

Наталья Данилова
Павловские должны умереть

Наталья Данилова

Павловские должны умереть

«Издательские решения»

Данилова Н.

Павловские должны умереть / Н. Данилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748806-2

Российская империя, 1913 г. Молодой аспирант Николай Д. после смерти невесты ищет новое место работы. Друг Николая знакомит его с семьей богатого промышленника Петра Павловского. Павловские нанимают Николая в качестве учителя для своего 12-летнего сына. В день приезда Николая в усадьбу находят убитой горничную. Вскоре убивают прачку. Обитатели усадьбы твердят о существовании демона. Сумеет ли Николай раскрыть страшные тайны Павловских? Существует ли демон или все это — хитроумный план убийцы?

ISBN 978-5-44-748806-2

© Данилова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Глаша	6
1	6
2	11
3	13
4	16
5	20
6	24
7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Павловские должны умереть

Наталья Данилова

© Наталья Данилова, 2017

ISBN 978-5-4474-8806-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Глаша

1

В лето 1913 года, после трагических событий моей несостоявшейся свадьбы, я вынужден был оставить Петербург и искать пристанища в иных краях. Мой давний товарищ по университету Розин рассказал о богатой семье промышленника, искавшей учителя своему 12-летнему сыну. Бедность подгоняла меня в стремлении найти доход и я, не особо думая о последствиях, согласился. Семья господина Павловского проживала лето в большой усадьбе в N-ской губернии, куда я вынужден был добираться сначала поездом, проделав путь в 400 верст, затем трясаясь в телеге и слушая подвыпившего проводного, коим оказался деревенский кузнец. Пейзажи, открывшиеся по пути следования, мало привлекали мой юношеский взор. Усадьба Павловских находилась в окружении многочисленных крестьянских деревень и полей, где возделывались так знакомые русскому человеку овес и рожь. Я, выросший в семье городского чиновника, был далек от понимания толстовской идиллии, и потому всю дорогу был погружен в сторонние мысли. Наконец, мы были на месте. Описать усадьбу мне совсем не сложно, ведь даже по прошествии стольких лет я, закрыв глаза, могу вспомнить каждую черту этого величественного строения. Усадьба представляла собой трехэтажное здание из камня и стали. Шпили ее уходили высоко вверх, теряясь на фоне темного, низко нависшего над ней неба. Окна смотрели на меня как глаза неведомого гиганта. Массивные двери, окаймленные стальными прутьями, рисовали в моем воображении рот чудовища, заглатывающего все, что волей судьбы попадалось на пути. Не встретилось мне ни парка, ни цветов, так свойственных для русской усадьбы моего времени, будто маленький островок промышленных центров новой России забросили в глушь допетровской эпохи. Меня встретила вся семья, с которой мне доведется пережить будущие события. Господин Петр Исакиевич Павловский был мужчиной средних лет, весьма строгого и величественного вида, так свойственного богачам. Он владел заводами по производству стекла, несколькими медеплавильными цехами, был советником министра промышленности. Супруга его, Мария Романовна Павловская, была красивой, но увядающей женщиной, несколько старше своего супруга, дворянкой от рождения и по виду. Дочь их, девица восемнадцати лет, Варвара Петровна, была малопривлекательной, с огромными руками и неуклюжей походкой, что делало ее похожей на гусыню. Встретил меня и управляющий делами Павловских, некий господин Илья Ильич Ручников, суховатый стареющий франт, пытавшийся казаться моложе своих лет, для чего он ежечасно поправлял свои редкие волосы и смятый от долгого сидения пиджак. Но меня больше интересовал мой воспитанник, однако мальчик, которого как я знал, звали Александр, на пороге дома меня не ожидал. С ним я увижусь позже. Приветствие прошло в дружеском духе, чему я был несказанно рад, так как не знал, как встретит меня столь почтенная публика. Петр Исакиевич проводил меня в свой кабинет для разговора. Вот что он мне сказал.

— Ваши рекомендации меня порадовали, — говоря это, господин Павловский сидел в массивном кресле натурального дерева, я же стоял напротив, не приглашенный присесть. — Вы закончили один из лучших наших университетов, стажировались за границей. Верно ли я думаю, что вы не прочили себе такую карьеру? — рука Павловского обвела кабинет.

— Жизненные обстоятельства вынудили меня уйти из университета, искать новое занятие, — я решил с самого начала быть с нанимателем откровенным, ведь Павловские наверняка узнали обо мне все.

– Да, знаю вашу трагедию. Сочувствую. Что ж, я бы хотел, чтобы с моим мальчиком занимался именно такой человек. Вы юный, у вас наверняка прогрессивные мысли. Россия идет вперед, скоро мы перегоним дряхлеющую Европу, с ее бессмысленными идеалами равенства и братства, и мой сын должен продолжить путь отца. Итак, – Павловский ударил в ладоши, что следовало расценивать как окончание беседы. – Без лишних слов, прошу следовать за мной.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, и весь свой подъем я, невзирая на приличия, разглядывал богатое убранство дома. Наконец, мы стояли перед дверьми в детскую. Я изрядно волновался как примет меня Александр, и мои руки так вспотели, что я вынужден был промочить их о брюки.

Александр ждал нас на пороге. Это был невероятно красивый мальчик. У него были василькового цвета глаза, пепельные кудри обрамляли лицо, улыбка была такой задорной, что я невольно улыбнулся в ответ.

– Александр, познакомься. Твой новый учитель – Николай Сергеевич. Прошу, прими его как следует, – при этих словах Павловский протянул руку, чтобы погладить сына по голове, но встретив его устремленный взгляд, замер на полпути. – Александр, надеюсь, ты меня понял.

Затем Петр Исакиевич оставил нас одних.

Я все еще продолжал подбирать нужные слова, но Александр начал первый:

– Мапочка любит называть меня Алексом, иногда Алексисом. Но это отвратительно. Прошу называть меня «Саша», только так.

– Хорошо, – все, что я нашелся ответить.

– А как мне вас называть? Думаю, будет уместно Николая. Вы согласны?

– Пусть так, если тебе угодно.

– Угодно. Хорошо. Почему вы приехали сюда? Вы не похожи на моих прежних учителей, – Саша расхаживал по своей комнате, руки его были сцеплены за спиной. Я был на настоящем допросе, подумал я.

– Я действительно не учитель, вернее, никогда не пробовал себя в этой ипостаси. Я работал в университете. Но так сложилось...

Саша прервал меня:

– Я хочу знать все!

– Моя невеста погибла. Пребывание в Петербурге стало невозможным для меня, – я сам не понимал, почему рассказывал ему все это, но не говорить я как будто не мог. Его васильковые глаза пронизывали меня. Моя история показалась ему скучной, поскольку он побежал в соседнюю комнату, и я услышал крик:

– Идите сюда, скорее. Здесь будет видно лучше!

Я оказался в комнате, предназначенной для занятий, поскольку здесь имелась весьма недурная библиотека, парта, доска и учительский стол. Саша стоял у окна и водил рукой по стеклу.

– Сейчас они ее найдут. Смотрите, Николая, – он указывал мне куда-то вниз.

Я увидел деревья, уходящие вглубь тропинки и длинные кусты боярышника. Вокруг суетились какие-то люди, по виду – работники усадьбы. Внезапно я услышал женский крик. Кричала кухарка, тучную фигуру которой я увидел у входа на кухню. Она выронила ведро и схватилась за сердце. Мужчины подбежали к ней, один схватил ее, пытаясь помочь, другой побежал к кустам, куда указывала трясушей рукой кухарка. Я последовал их примеру, и когда мой взор нашел источник возгласов, дыхание мое на миг остановилось. В кустах боярышника я увидел девушку, лежавшую навзничь, ее мертвые глаза были открыты и смотрели прямо на нас.

Вечер дня моего прибытия в усадьбе Павловских прошел в тишине. Казалось, что отравление молодой горничной должно было всколыхнуть весь дом, но оно волновало только меня. Управляющий Илья Ильич рассказал мне, что горничная Глаша давно обещала умереть, если возлюбленный бросит ее. Накануне смерти он прислал ей письмо, в котором сообщил о расставании. Недолго думая, Глаша нашла на кухне яд для крыс и приняла его в тот же вечер, стоя под окнами гостиной. Весь следующий день ее искали, и нашли, чему мы с Сашей стали свидетелями. На ужине я сидел за одним столом с господами Павловскими, и мог убедиться, что к смерти в этом доме либо привыкли, либо были к ней равнодушны. Все проявляли недюжинный аппетит в поедании щедро приготовленных блюд, и никто за столом ни разу не заговорил о случившемся.

Ночью мне не спалось. Сначала душный летний воздух врывается в мое окно, и каждый вдох давался мне с большим усилием. Я был совсем не привычен к жаркому запаху преющего поля и дурманному аромату ночного леса. Затем, когда мое усталое сознание стало проваливаться в дремоту, я стал слышать звуки. Далекие голоса приближались, и, наконец, я услышал воочию голос Аннушки. Моя невеста стояла в двух шагах от меня, в подвенечном платье и фатой за спиной. Ее руки в белых перчатках тянулись ко мне, она пела мне песню. Слов песни было не разобрать, но ее голос и она были так реальны, что когда стук в дверь отвлек меня от мира грез, я долго не хотел просыпаться. Моим ночным гостем оказался Саша. Я хотел отправить его спать, но он не хотел слушать увещаний и, зайдя ко мне в комнату, сел в кресло.

– Я не могу уснуть. Вы тоже не спите, ведь так?

– Мне снился сон, когда ты постучал, – я все еще верил, что, если немедленно лечь спать, Аннушка вернется, и поскорее захотел избавиться от воспитанника.

– Что вам снилось? Не надо, не говорите. Взрослым всегда снится одно и тоже. Моему папочке все время снится несущийся поезд, он часто рассказывает нам об этом за завтраком. Он толкует это как предзнаменование будущих достижений, своих и России, конечно. Мой папочка большой патриот, так считают столичные газеты. Но мамочка толкует его сон как невроз, ведь однажды в юности папочку чуть не задавил поезд, когда он работал инженером. Мамочке снится сад, полный удивительных цветов. Она говорит, что видит рай, – Саша засмеялся так, что если бы он не был двенадцатилетним ребенком, я бы подумал, что передо мной циничный тип. – Рай, представляете? Разве мамочка, или кто-то еще могут знать, как выглядит рай? Может только Глаша. Хотя нет, наш батюшка, отец Варфоломей, он часто приходит к папочке, говорит, что в рай попадают только хорошие люди. А Глаша была злой, я ее не любил.

– Не нужно говорить так, – я пытался говорить с ним как можно меньше, может так, он быстрее уйдет спать.

– Потому что она умерла?

– И поэтому тоже. Ты не должен осуждать людей, разве отец Варфоломей не говорил тебе об этом?

– Он со мной вообще не говорит. Я даже из церкви сбегал несколько раз. Мамочка тоже ходит туда только потому, что папочка велит. Она там все время зевает и смотрит в пол.

– А твоя сестра?

– Не хочу говорить о ней! – Саша резко встал и направился к двери.

– Я обидел тебя? – я не знал, как говорить с этим необычным ребенком, или он просто казался мне странным, ведь с другими детьми я никогда не имел опыта общения.

Саша молча вышел. Весь остаток ночи я провел в размышлениях. Я думал о том, что я совсем не учитель, и не умею ладить с детьми. Думал о родителях, оставленных мною в Петербурге. Последней моей мыслью перед рассветом была мысль об Аннушке.

Следующие несколько дней прошли в работе. Саша запустил математику, не мог разбраться с дробями, и я потратил три дня, объясняя ему простейшие задачи. К слову, он быстро схватывал мои объяснения, хотя и не проявлял особого рвения к учебе. В усадьбе оказалась огромная библиотека, в хорошем состоянии. Мне было позволено проводить там свободное время, что я и делал с удовольствием. Книги помогали мне забыться, я нашел много редких экземпляров, за которыми охотился будучи еще студентом. В ясное субботнее утро Саша уговорил меня сходить к реке. Мы отправились в путь, прихватив с собой немного еды для завтрака. Путь наш проходил через деревню Серпино. И тут меня ждало первое событие, объяснения которому не найти. Саша бежал впереди меня, указывая дорогу и рассказывая о местных достопримечательностях. Их, кстати, набралось с полдюжины: разрушенный дом с привидениями, лес с неведомыми чудовищами, цыганский табор. Я хорошо понимал мальчика, ребенку так просто верить в чудеса. Нам на встречу выбежала старушка, вся растрепанная, с жуткими злобными глазами. Я не успел заметить, как она схватила Сашу за плечи и начала трясти, что было сил.

– Извел, извел Глашеньку, ирод! Проклятый! – она кричала на мальчика все сильнее. Чтобы высвободить его, мне пришлось ударить старуху, о чем я долго сожалел потом. Упав на землю, она начала рыдать в голос, кататься по земле и бить себя руками.

– Пойдем скорее, – шепнул я Саше, и мы побежали в сторону реки. Всю дорогу мы молчали. Наконец, я заговорил:

– Ты испугался? – я посмотрел на своего воспитанника, который все еще дрожал всем телом.

– Немного. Это мать Глаши. Она считает, что мы отравили ее. Она приходила к папочке вчера вечером, говорила, что в нашем доме поселилось зло, демоны окружили усадьбу. Папочка прогнал ее прочь. Но она пообещала, что сожжет нас дотла.

Я не нашелся, что ответить напуганному ребенку. Река, прозванная в деревни Воровакой, была безлюдной. Саша объяснил мне, что по местному поверью в этой реке водятся русалки. В тихие ночи они выходят на берег и, обратившись прекрасными девушками, идут в деревню искать себе женихов. Каждому, кого встретят, они обещают вечную любовь, и если кто-то польщается и целует русалку, засыпает навсегда. Своих жертв русалки оттаскивают в реку, и съедают там заживо. Вороваку крестьяне обходили стороной, и, зайдя в воду, я понял, что все объяснялось холодным подводным течением, от которого у меня сводило ноги. Плавал мой воспитанник превосходно, в чем я убедился, наблюдая, как он умело нырял и появлялся на поверхности воды. Я сидел у края воды и моему взору открылись прекрасные виды желтых полей на другом берегу. Я всматривался в их ровное огненное течение, но видел совсем иное. Мы с Аннушкой стоим на берегу Невы поздней осенью. Она опирается на парапет мостовой, не смотрит на меня. Я не нарушаю тишины, наблюдая, как по Неве плывет одинокая лодка со старым рыбаком. Дождь начинает хлестать меня по щекам, вода в реке вспенивается и покрывается мелкой рябью. Пелена холодной воды не дает нам разглядеть другой берег, на котором возвышаются шпили Никольского собора. Аннушка вдруг вздрагивает и говорит едва слышно: «Я согласна!».

Внезапно меня обдал жаркий порыв ветра, и я вспомнил, где нахожусь. Я посмотрел на тонкую гладь воды и понял, что вот уже несколько минут не видел Сашу. Догадка была так страшна, что, не успев осознать ее, я кинулся в воду. Холодное течение обжигало распаленную от летнего солнца кожу. Я нырнул глубже, но видел только темное дно и серо-зеленую массу поднятого со дна ила. Мне не хватило воздуха, я уже чувствовал наступление панического ужаса от случившегося, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Глаза не видели ничего, кроме черного дна и грязной массы бьющей мне в лицо тем сильнее, чем быстрее я пытался высвободиться от пут. Я дернул ногу что было сил, но легкие уже жгло огнем. В этот момент мне даже почудилось, что меня схватила русалка, голодная

до человеческого мяса. Я панически замахал руками, и в тот же момент меня рвануло вверх. Я вынырнул на поверхность воды, увидев небо, и задышал так часто, что сердце не успевало перегонять горячую кровь. Когда я свыкся с мыслью, что жив, я оглядел берег. Саша сидел на песке и поедая принесенный с собой завтрак.

— Что-то схватило меня на дне, — только и сумел выдавить я, упав на раскаленную землю.

— Там много коряг от поваленных деревьев. Их несет с лесопилки, она вверх по течению, — мой воспитанник жевал бутерброд с ветчиной и смотрел на меня с удивлением. Путь до усадьбы мы провели в тишине.

2

Август мы с моим воспитанником проводили в прогулках. Несмотря на отсутствие у Павловских ухоженного сада, к северным стенам дома примыкал островок невырубленного леса, заросшего дикими кустарниками. Саша любил бывать там, и, несмотря на мою любовь к граниту и камню петербургских мостовых, я также заразился интересом к дикой природе. Лес выходил на обрыв, и я любил бывать здесь один после заката. Прошло полгода как я похоронил Аннушку, и только теперь, когда волна отчаяния схлынула с меня, как летний жар после холодного осеннего дождя, я стал глубоко осознавать и понимать случившееся. Я стал терзать себя вопросами, на которые не было ответа. Горе мое было тем сильнее, что я не находил того, кому мог бы доверить свои мысли. Павловские стали казаться мне тяжелым бременем, я все чаще стал избегать совместных обедов, ссылаясь на различные, впрочем, не слишком интересовавшие моих нанимателей причины. Я стал проникаться все большим чувством нежности и заботы к моему воспитаннику, что раньше за собой не замечал. Мне нравилось наблюдать за ним, видеть, как он растет, отвечать на его, подчас повзрослому сложные вопросы. Но были и моменты, о которых, среди прочего, мне хотелось бы забыть. Однажды, после очередного воскресного визита отца Варфоломея, который, ввиду занятости Петра Исакиевича, приходил для личной беседы к нему на ужин, Саша спросил меня:

- Почему вы не ходите в церковь с мамочкой? Все домашние, кроме папочки, ходят.
- Я не вижу нужды в этом. Я молюсь в одиночку, – я обманывал его. Я давно не молился.
- Лжете! Вы больше не верите в него? – васильковые глаза смотрели с укоризной.
- Я верю, я верю, – повторил я, скорее убеждая себя, нежели оправдываясь перед упрямым мальчишкой.

– Это потому, что он не спас ее? Вашу невесту?

После услышанного все во мне перевернулось.

– Не говори об этом никогда.

– Но это же правда, да? Он убил ее, и вы больше не верите ему?

– Замолчи! – я закричал на Сашу что было сил. – Замолчи!

Злость во мне бушевала, и новая волна гнева обрушилась с такой силой, что я замахнулся на мальчика, стоявшего совсем рядом для удара, но вовремя остановился и выбежал прочь из дома.

Весь остаток дня я бродил по окраинам. Когда же стемнело, я понял, как глупо выгляжу со стороны. Я вернулся к Павловским с твердым намерением уйти от них навсегда, той же ночью. Войдя в дом, я увидел удивительную картину. Все домашние: чета Павловских, Варвара, управляющий, кухарки и работник стояли в гостиной. При виде меня, все обернулись. Они хотят судить меня, подумалось мне.

– Что? – я сказал это как можно грубее, не желая отсрочить казнь.

– Николай Сергеевич, где же вы ходите? Дом вверх дном! – нервный голос Марии Романовны меня весьма удивил. Или Саша не рассказал о случившемся, или произошло что-то гораздо страшнее.

– Что случилось? – спросил я с робкой надеждой на спасение.

– Вода в доме кем-то отравлена, – Петр Исакиевич указал на второй этаж. – Вода поступает по трубам из очистительного резервуара, я сам его проектировал несколько лет назад. Утром, когда я уезжал, все было в полном порядке. А теперь... После обеда кухарка Авдотья Ивановна собиралась готовить ужин, и обнаружили что с водой что-то не так.

Женщина преклонных лет, Авдотья Ивановна, стояла здесь же и выглядела напуганной.

– Говорю вам, это все проделки его! – начала причитать другая кухарка, Маша, любившая подслушивать на воскресных ужинах разговоры отца Варфоломея с Петром Исакиевичем, и прослышавшая в крестьянской среде большим знатоком православных догматов только потому, что знала наизусть треть евангельских стихов.

– Прекрати, Маша! Твой демон здесь не причем! Сейчас работники проверят трубы наверху и найдут источник заразы! – Павловский смотрел на Машу с укором.

Так вот почему все собрались внизу. Я посмотрел на потолок и услышал, как несколько работников перебегали из комнаты в комнату, бессвязно говоря что-то и стуча по трубам.

– А где Саша? – спросил я. История моего позора все еще не давала мне покоя.

– Гуляет где-то в саду, – Мария Романовна кинула рукой в сторону распахнутых окон.

– Один? Уже ночь! – меня немного удивляло отношение к ребенку как к взрослому.

– Умоляю, Николай Сергеевич! Сейчас не об этом!

Я вышел в сад, намереваясь отыскать мальчика. Ночь уже вступила в свои права, и я не видел ничего, кроме собственных очертаний.

– Саша? – позвал я.

– Сюда, Николя! Скорее! – меня начинали пугать эти его слова. Он кричал с западной стороны дома. Там располагались хозяйственные постройки. Я удивил, что там горит свеча и пошел на ее свет, натываясь на разросшийся боярышник. Саша залез на крышу и махал мне, чтобы я лез рядом. Когда мы поравнялись, я увидел, что он пытается открыть что-то металлическое.

– Что ты делаешь? Идем домой!

– Нет. Помогите. Это крышка от резервуара. Там что-то есть.

– Хорошо, – после случившегося утром, я не хотел ему перечить.

Крышка была жутко тяжелой, открывалась она видимо по-иному, но я был не в состоянии выяснять это, и вскоре она поддалась.

– Посвети! – Саша держал свечу, а я пытался заглянуть в дурно пахнущий колодец.

Наконец, когда глаза привыкли к темноте, я сумел разглядеть источник всего происшествия. Я дернул Сашу за руку и что было сил, скомандовал:

– Идем отсюда, сейчас же!

Все дорогу до дома Саша пытал меня расспросами и вырывался, но я так сильно сжимал его запястье, что делал ему больно, отчего мальчик пищал на меня. Свечу мы вырвали по дороге и возвращаться за ней я не стал.

Вбежав в дом, я увидел все ту же картину.

– Что это с вами? – Мария Романовна обратила свой взор на нас и тотчас вскрикнула.

В ту же минуту я увидел на своей рубашке красные пятна. Пятна крови той несчастной, что лежала в резервуаре. Я касался крышки и теперь был похож на палача.

Спустя два часа я сидел в собственной комнате, безуспешно пытаюсь оттереть спиртовым раствором пятна чужой жизни с моего тела. В резервуаре нашли заколотую прачку Дуню. Петр Исакиевич отправил управляющего за следователем, который уже бывал здесь в то утро, когда увозили мертвую Глашу. Марии Романовне стало дурно, и ее уложили спать. Варвара суетливо бегала в гостиной, обсуждая с Машей все увиденное, хотя они ничего и не видели. Саша ушел в детскую обиженным на то, что ему не показали убитую, считая, что именно ему все обязаны ее находкой. Я же думал о том, как буду на утро объясняться со следователем. Уснул я стремительно, как только моя голова коснулась подушки.

3

Следователь, почтенных лет мужчина, с седой окладистой бородой и шрамом на лице, полученным, как мне рассказали позже, в годы русско-турецкой войны, был старым знакомцем Павловских. Когда-то он помогал Петру Исакиевичу найти виновного в большой расстрате, чем заслужил непререкаемое доверие и полную свободу действий в усадьбе. Расположившись в кабинете хозяина дома, господин Вениамин Иванович глядел на меня с долей неодобрения.

– Итак, вы пошли искать вашего воспитанника, а нашли мертвую девицу в резервуаре с водой.

– Верно, все так, – я старался не смотреть на следователя.

– А где вы были весь день до того? Мария Романовна рассказала мне, что вас не было в доме до ночи.

– Я бродил по окрестностям.

– Зачем?

– Я хотел подумать, – я и сам понимал, как глупо это звучит.

– Не сказав ни слова, вы уходите из дома. Кстати, в котором это было часу?

– Около четверти первого дня.

– Итак, я продолжу. Вы уходите, и через несколько часов кухарка обнаруживает невероятное: из крана на кухне течет красного цвета вода, – он улыбнулся, будто рассказывал мне веселый анекдот.

– Вы меня подозреваете? – я решил ответить на его выпады, мне совсем не нравилось, что господин следователь пытался поймать меня.

– Нет, ну что вы. Я просто размышляю и хочу услышать ваши соображения. Расскажите мне о себе, так немного. Самую малость.

– Что вы хотите услышать?

– А давайте я расскажу о вас то, что узнал от Павловских, а вы меня поправите. Вы познакомились с господином Павловским в Петербурге, через общего знакомого господина Розина. Ваш приятель рассказал, что Павловские ищут для своего сына учителя. Требования были суровыми – им нужен был человек опытный, с твердым характером, ведь у них весьма необычный сын. Но вы и сами это уже смогли заметить. Розин наверняка рассказывал вам, что прежние учителя Сашеньки не задерживались в доме Павловских больше полугода. Больно уж ребеночек с придурью. И вот после встречи с вами, юным преподавателем столичного университета, который, несмотря на талант и будущую многообещающую карьеру, по непонятным для многих причинам, покинувшим свою альма-матер, Петр Исакиевич одобряет вашу кандидатуру. Вы приезжаете в усадьбу, и вот, – Вениамин Иванович громко хлопнул в ладоши, отчего я вздрогнул. – Первое убийство! Несчастная кухарка Глаша отравилась крысиным ядом!

– Вы сказали убийство?

– Да, господин хороший, убийство. Никаких писем от возлюбленного Глашенька не получала, ведь, вот суровая российская жизнь – читать она не умела. Зато была весьма недурна собой. Говорят, что когда она жила в городском доме Павловских, столичные франты так и норовили затащить несчастную в койку. И вот, веселая и красивая, любящая прелести жизни Глаша принимает яд, да еще под окнами гостиной. Странность какая-то...

– Да, действительно.

– Но, мой рассказ только начинается. Не торопитесь соглашаться со мной. Глаша была скрытной девицей. Даже старая кухарка Авдотья Ивановна, знающая, кажется больше, чем вся сыскная полиция, не сумела мне ответить на вопрос: был или не был у Глаши возлюб-

ленный? Но кухарка рассказала, что незадолго до своей смерти Глаша стала близка с прачкой Дуней. Они были одного возраста и с ней, видимо, Глаша поделилась своей тайной. И вот... – господин следователь выдерживал театральную паузу. – Вы находите Дуню заколотой в резервуаре для воды.

Я решил молчать. Ведь никаких вопросов мне не задавали, но слушал я следователя с большим трудом. Моя голова была занята мыслями иного рода. Утром, когда я проснулся, на столе в своей комнате я обнаружил конверт без подписи. Внутри была записка с фамильным гербом Павловских в углу, и неровным почерком написано: «Я ЗНАЮ ВАШ СЕКРЕТ». Руки мои в ту же минуту перестали слушаться меня, я выронил письмо, и навзрыд заплакал. Никогда еще с похорон Аннушки я так не рыдал. Слезы стекали по моим щекам, я заламывал пальцы, и тряс головой, будто пытался отогнать от себя все, что происходило.

– Ой, да вы совсем не слушаете меня, – следователь вернул меня из мира грез.

– Простите, я задумался. Я весьма потрясен всем случившимся.

– Немудрено. Ведь вам уже доводилось испытать страх перед смертью, так ведь? Мария Романовна любезно рассказала мне о том, что Петербург вы оставили после трагедии, случившийся с вашей невестой? Не хотите объяснить?

– Узнайте сами, вы же следователь.

– Зачем же так сразу? Я, конечно, все узнаю. Но то сухие бумажные отчеты, а то человеческий разговор.

– Я не буду с вами об этом говорить. К делу это не относится!

– За что я не люблю ваше поколение, так это за неуважение. Да-да, именно неуважение. Вы не проявляете должного... – но закончить господин следователь не сумел, так как в комнату ворвался его помощник.

– Что еще произошло? Сколько раз говорить, чтобы ты не прерывал допроса!

– Но... там на кухне лягушки, – неловкий помощник показывал на дверь.

– Какие еще лягушки?

И в этот самый момент мы услышали крики с северной части дома. Вбежав на кухню, мы увидели удивительную картину. Все предметы покрывали зелено-серые липкие существа, которые попеременно прыгали и издавали мерзкие звуки. Непроизвольно я отшатнулся и встал в недостижимое для прыжка лягушки место в проеме двери.

– Что тут происходит, черт вас возьми? – господин следователь кричал на подчиненного, а тот лишь руками разводил.

– А я вам говорила! Демон рыщет! – в кухню вбежала кухарка Маша. – Фу, прочь нечистая! – она ловко отбрасывала ногой лягушек, и попеременно смотрела на нас с видом победителя.

В кухню вбежал Петр Исакиевич.

– Уберите здесь все сейчас же! – Петр Исакиевич обращался к подоспевшему Илье Ильичу, который на ходу дожевывал завтрак. При виде лягушек, он стал икать.

– Демон, все он! Поселился он здесь и рыщет, рыщет...

– Замолчи, Машка! – Илья Ильич переставлял ноги, опасаясь липких существ. Я устал от безумной сцены и, поняв, что допрос не продолжится, поднялся к своему воспитаннику. Тот сидел посреди комнаты и читал книгу.

– Тебе не интересно, что произошло? – я был удивлен поведением Саши, обычно его забавляло все необычное.

– Нет. Я хочу читать.

– Что ты читаешь?

– Библию. Ее подарил моему папочке наш Варфоломей. В ней красивые картинки. Идем гулять? – вдруг Саша встал на ноги, бросил книгу, будто только и ждал моего прихода.

– Идем, – мне не терпелось поскорее уйти из дома. Выходя из комнаты я увидел, что разглядывал Саша в книге. Это были иллюстрации к исходу евреев из Египта, с описанием казней сынов израилевых. Художник изобразил площадь древнего города, заполненную лягушками.

4

Через неделю, когда страсти вокруг происшедшего стали утихать, Петр Исакиевич с супругой отправились в Петербург. Хлопоты об усадьбе легли на плечи управляющего Ручникова, а мне поручили заботы о детях. Саша проводил со мной все время, мы стали по-настоящему близкими друзьями, несмотря на разницу в возрасте. А вот Варвара всячески избегала меня, как я не пытался завоевать ее доверие. Лето клонилось к концу, по утрам я наблюдал, как зыбкий туман спускается на поля, вечерами слышал гулкий ветер, бьющий в стальные трубы дома. Я почти перестал спать. Если и удавалось закрыть глаза, то я видел сны о моей прошлой жизни, и в ужасе просыпался тот час. Ночи я проводил за чтением книг, которые в доме Павловских никого кроме меня не интересовали. Господин следователь еще допрашивал нас несколько раз, но расследование убийств не продвинулось не на йоту. Больше всего меня беспокоили письма неизвестного, которые с завидной регулярностью появлялись у меня в комнате. Я не знал, как мне вести себя в данных обстоятельствах, и решил выждать время. Ведь автор писем что-то хотел от меня, но что, я пока не догадывался. Содержание писем всегда было одинаковым «Я ЗНАЮ ТВОЙ СЕКРЕТ». Однажды холодным августовским утром мы с Сашей решили посмотреть, как крестьяне убирают овес. Зрелище быстро наскучило мальчику, хотя, чтобы лицеизреть сие, мы проделали путь длинной в четыре версты. Саша велел мне вести его домой, и по дороге нам встретился странный господин. Станным он мне показался ввиду его внешнего облика. На нем был дорожной костюм, такой надевают обычно на светский раут, но не для прогулки по деревне. Его лохотенные черные волосы блестяли на солнце. В руках он держал пустой поводок, на котором, видимо, прогуливал собаку.

– Здравствуй, мой друг Сашенька! – крикнул он нам издалека.

– Здравствуйте, дядя Алексис! – мальчик побежал навстречу господину, распахнув руки для объятий.

– А вы видимо Николай Сергеевич, я прав? Весьма рад, Сашенька много говорил о вас, – господин протянул мне руку для рукопожатия. – Не пугайтесь так, у вас на лице написано, что я вас озадачил. Я – Алексей Петрович Гижицкий, сосед господина Павловского. Живу неподалеку. Сашенька частый гость в моем доме. Дайте угадаю, он повел вас смотреть на жатву, но сам, видимо захотел познакомиться нас.

Саша засмеялся, а я неодобрительно посмотрел на него.

– Не угодно заглянуть ко мне? Я буду рад новой компании. Здесь я живу одиноко. Семья моя осталась на лето в городе, а я люблю природу, ее силу, мощь. В сельской идиллии я черпаю вдохновение. Я художник. Но только летом. В остальные сезоны я жестокий буржуа, владеющий верфями на Балтике. Так что?

– Если Саша не против, то, конечно... – мне было неловко в компании Гижицкого, но я не мог перечить Саше.

Дом Алексея Петровича оказался типичной русской усадьбой девятнадцатого века, с огромным прудом и ухоженным садом. В гостиной, где нас принимал хозяин, я увидел мольберт и стол с красками, на стенах картины, изображающие библейские мотивы. Мы пили чай, и угощались малиновым вареньем.

– Я подумал, что вы пишете пейзажи.

– Нет, что вы! Меня интересуют иные сюжеты. Я глубокий атеист, но Библию я признаю как великое творение человечества. Ни один писатель, ни один гений не сможет создать сюжета лучше, уж поверьте, я в литературе разбираюсь.

– А вдохновение? Вы сказали, что находите его здесь, в деревне?

– Ах, вы об этом. Конечно, в деревне я черпаю типажи для картин. Например, вы видели кузнеца Семена? Он же вылитый Голиаф. А вот там, – он указал на картину позади меня. – Глаша, она мне позировала для образа Магдалины.

– Глаша бывала у вас?

– О, понимаю ваш интерес. Смерть – вот сюжет на все времена. Что ж, я расскажу вам все, что знаю о Павловских, хотите? Но при одном условии. Вы тоже мне расскажите о себе. Без обмана.

– Хорошо. Расскажу.

– Сначала об усадьбе. Сашенька, дружок, иди наверх, там я оставил чудесную книгу, почитай ее, – как не странно, но Саша послушно последовал по лестнице, не произнеся ни звука.

– Итак. Усадьба господ Павловских была построена десять лет назад. Петр Исакиевич начал проектировать ее, когда Сашенька был совсем малюткой. Сашеньку я знаю с детства. Петр Исакиевич тогда был хлебосольным, устраивал пышные гуляния, сюда съезжались гости, жили здесь подолгу. Сейчас он изменился, да вы и сами видите. А знаете, ведь он был богачом не всегда. Лет двадцать назад, когда Петр Исакиевич только женился на Марии Романовне, дела его шли неплохо. Он был владельцем небольшой фабрики. Но когда Вареньке было около пяти лет, он стал жутким игроком. Проигрывал все до копейки, и наконец, промотал все свое состояние. Бог знает, как ему удалось снова оказаться на плаву. Он ведь байстрюк, отец долго не признавал его, наследство он получил мизерное. Зато ума невероятного, инженер от Бога! Его чертежи продавались даже за границей. Женился опять же выгодно – Мария Романовна из древнего рода Деяновых. Так вот, усадьбу эту он построил уже после своего воскрешения из банкротства. А ведь в обществе поговаривали, мол, все, нет больше богатства у Павловских. Что ж, теперь ваш черед, говорите?

– Я родился в Петербурге, в семье мелкого городского чиновника. Отец рано стал обучать меня наукам. Я с отличием закончил гимназию и учился в Петербургском университете. По профессии я тоже инженер, как и господин Павловский.

– Нет-нет, довольно скучно. Расскажите о том, что произошло в день свадьбы?

Я опешил, и хотел было уйти, но понимал, что слухи о моей трагедии быстро разошлись через болтливых горничных и кухарок.

– Поверьте, все, что вы скажите, останется между нами. Я знаю, что такое смерть близких. Вам нельзя молчать, вас убьет тишина. Вы должны высказаться, а такой случайный собеседник, как я, как раз подойдет. Однажды я ехал поездом из Петербурга в Москву в купе с неким господином, который по дороге рассказал мне о том, как в молодости совратил бедную девушку и бросил ее, после чего она повесилась. И знаете что? Я его больше никогда не встречал, но меня греет мысль, что поговорив со мной, ему стало легче.

– Вы хотите это услышать? Хорошо. Утром в день свадьбы мою невесту нашли в комнате бездыханной. Она отравилась, выпив огромную дозу снотворного. Записки она не оставила. Вот и вся история.

– А вы уверены...

– Да, я знаю причину. Я изменил ей с другой женщиной. Она узнала и не смогла этого перенести.

– Вы вините себя, вот в чем дело.

– Никто не знает истинной причины смерти Анны, но мне достаточно, что я знаю. После похорон я хотел покончить с собой, даже придумал, как это сделаю. Но потом вдруг подумал, что там, на небесах встречу ее и не смогу смотреть в ее глаза. Жить прежней жизнью я больше не представлял возможным, и навсегда покинул университет. Мой друг нашел для меня работу, и вот я тут.

Алексей Петрович молчал, а я не мог смотреть на него в эту минуту.

– Послушайте, Николай. Вы молоды и ваша жизнь только начинается. Я знаю, что для вас сейчас эти слова кажутся глупостью, но послушайте знающего человека. Все уже случилось и вам не повернуть время вспять. Живите, просто живите. Боль покинет вас когда-нибудь.

– Вы, вероятно, правы. Расскажите мне о Глаше, – мне хотелось перевести разговор на другую тему.

– Понимаю ваш интерес. Мне самому не дает покоя все, что случилось у Павловских. Глаша стала работать у Петра Исакиевича около двух лет назад. Она родилась здесь, ее матушка знатная скотница. Говорят, она совсем обезумела после смерти дочери. Глаша была красавицей, настоящим райским цветком. Она позировала мне год назад для нескольких картин, я сумел узнать ее ближе. Кто мог убить ее? Этот вопрос не дает мне покоя. Она так любила жизнь, у нее было столько планов. Следовательно Вениамин Иванович был у меня тому неделю и рассказал, что она приняла яд. Поверьте, она не могла этого сделать, по крайней мере, не таким способом. Она говорила мне, незадолго до случившегося, что скоро в ее жизни все изменится, и она уйдет от Павловских. Мне показалось тогда, что она чего-то или кого-то боится, но ее словам значения не придавал, – наш разговор прервал Саша. Он вбежал в гостиную, сел рядом со мной и запрокинул ногу на ногу.

– Я не хочу читать. Я хочу слушать о Глаше!

– Сашенька, дружок мой, у меня для тебя поручение. Будь добр, найди Герцога. Он убежал от меня, а скоро ночь, не хочу, чтобы он напугал кого-то из деревенских, – с этими словами Гижицкий протянул Саше поводок, и тот покорно подчинился.

– Моя собака всех здесь пугает, – Гижицкий и я наблюдали в окно как Саша весело бежит вокруг пруда, и, размахивая поводком, зовет собаку. – Я, кажется, не договорил.

– А у Глаши был возлюбленный? – мой вопрос слегка удивил Гижицкого, отчего он нервно застучал по столу костяшками пальцев.

– Тот же вопрос задавал и следователь. Понимаю вас, вы думаете так: деревенская девушка позирует увядающему скучающему богачу, он ее соблазняет, а потом бросает несчастную. Но уверяю вас, так пишут в женских романах, которыми зачитываются столичные барышни. Глашенька знала, чего хочет. Я был для нее неоправданным безумием. Думаю, что когда она жила в городской квартире Павловских, она с кем-то повстречалась. Хотите это узнать, расспросите Вареньку.

– Вареньку?

– Да, несомненно, ее. Эта девочка так некрасива, что Глашенька была для нее неким идеалом – красивая, свободная от светских предрассудков, сильная. Наверняка Варенька знала многие секреты Глаши, могла знать и имя ухажера. Кстати, Николай, приглядитесь к Вареньке. Девочка она стеснительная, друзей ни здесь, ни в столице не имеет, замкнута. Попытайтесь стать ей другом, скрасьте девичье одиночество. Могу я вас просить об этом? Знайте, судьба детей Павловских мне не безразлична.

– Я буду рад.

– Расскажите, как умерла вторая девушка, Дуня?

– Мне не хочется вспоминать ту ночь. Иногда, закрыв глаза, я так и вижу эту страшную картину. Она плавала на поверхности воды в резервуаре, я видел ее мертвые белки глаз. Господин следователь сказал нам, что ее сначала задушили где-то на заднем дворе дома, потом бросили в резервуар, и уже мертвое тело закололи длинным железным прутком, который потом нашли у обрыва.

– Зачем кому-то так жестоко поступать с бедняжкой? Какой зверь мог такое учинить?

– Кухарка Маша уверяет всех, что в усадьбе поселился демон.

Я услышал звонкий смех Гижицкого.

– Какая глупость! Впрочем, немудрено. После проповедей отца Варфоломея можно уверить во что угодно. Он любит напускать туман на неокрепшие деревенские головы. Да мы с вами увлеклись, Николай. За окном совсем темно. Я велю кучеру Ваньке отвезти вас до усадьбы. Места здесь хоть и безопасные, но в виду последних событий будем благоразумны, – с этими словами он встал с дивана и проследовал в прихожую.

Мне совсем не хотелось возвращаться. Сам не знаю почему, но я проникся к этому господину и захотел узнать его ближе. Тем временем Саша уже ожидал нас на пороге дома, держа на поводке огромного пса, по неодобрительному рыку которого я понял, почему деревенские опасались его.

Вернувшись в усадьбу и уложив спать утомленного прогулкой Сашу, я спустился в библиотеку для ставшего уже привычкой ночного чтения. Я с удивлением обнаружил, что здесь меня поджидали. Варвара Петровна восседала в огромном кресле, скрестив руки на груди.

– Где вы были, Николай Сергеевич? – в голосе я услышал неодобрение.

– Судя по тону, вы уже знаете где. Мы с Сашей были у господина Гижицкого, вашего соседа.

– Весьма опрометчивый поступок. Сначала следовало спросить у меня.

– Позвольте поинтересоваться, а что преступного я совершил?

– Господин Гижицкий не самая лучшая компания для Сашеньки. Известно ли вам, что господин Гижицкий идолопоклонник?

– Что, простите? – я засмеялся, на что Варвара вскочила с кресла и стала нервно сжимать руки.

– Все об этом знают. Ненавистник церкви, к тому же жуткий мошенник.

– Это вы откуда узнали?

– Вы знакомы с ним несколько часов, а я знаю его с детства. Лучше спросите при следующей встрече с ним, как он тринадцать лет назад разорил отца.

– С чего вы так решили? Разве ваш отец не проиграл все состояние за карточным столом?

– А известно ли вам, что в карты не играют в одиночку?

– Хотите сказать, что Гижицкий обыгрывал вашего отца?

– Хочу и говорю.

Я стоял и смотрел на нее. На ее вздернутый вверх некрасивый носик, волевой подбородок. Она с вызовом смотрела на меня, казалось, готовая ринуться в бой.

– Так это вы?

– Что я?

– Вы пишете мне записки с угрозами?

Я увидел, как она побледнела, и ее губы задрожали. Моя догадка была верной. Я приблизился к ней и схватил за запястье руки.

– Я закричу.

– Не нужно, просто послушайте. Если вы будете продолжать, я сумею сделать так, чтобы вы замолчали, – я сам не верил в то, что был способен сказать такие слова маленькой напуганной девчонке.

– Вы убили Глашу! Вы были ее женихом, я видела вас в Петербурге вместе. Отойдите, я вас боюсь.

– Я никого не убивал!

– Когда отец приедет в усадьбу, я все ему расскажу.

– Делайте что хотите, – с этими словами я отпустил ее руку и ушел прочь.

5

Шли дни. Супруги Павловские по-прежнему проживали в столице, решая какие-то неотложные дела. После нашего разговора с Варварой я стал избегать ее. Меня не пугали ее угрозы, скорее мне было стыдно за свое собственное поведение тем вечером в библиотеке. Однажды сентябрьским утром я прогуливался в одиночестве у обрыва. Мои мысли были далеко и я не замечал, как вокруг умирает природа, деревья покрываются золотым сиянием и с реки веет настоящей зимой. Внезапно я обнаружил, что невдалеке стояла Варвара и рассматривала крону старого дерева. Заметив меня, она уверенным шагом стала приближаться.

– Это становится невыносимым, – сказала она, едва мы поравнялись. – Вы избегаете меня, как школяр! Теперь я почти уверена, что вы вовсе не убийца. Вы не способны причинить человеку боль. Только себе самому.

– Что вы хотите от меня?

– Ну, простите, простите. Тысячу раз, простите. Это было глупо, жутко по-детски, писать вам эти записки. Но что я могла подумать? Я ведь видела вас с Глашей в Петербурге, и не один раз. Потом она обмолвилась, что скоро уедет от нас, выйдет замуж. Я сложила одно с другим. И теперь представьте, каково было мое удивление, когда в день смерти Глаши вы появились на пороге нашего дома?

– Вы правы. Но все совсем не так.

– Так это были вы или нет? Вас любила Глаша?

– Нет, это не я, – я решил соврать Варваре. Мне не хотелось говорить ей правду, ведь истолковать ее она могла как угодно.

– Ну и ладно. Это останется нашей тайной. Пойдемте собирать листья.

Весь день мы провели вместе. Варвара оказалась интересной, начитанной девочкой. Но в свои восемнадцать лет она была наивна как ребенок. Иногда мне казалось, что в семье Павловских все перепуталось: Саша был гораздо разумнее, чем его старшая сестра.

Тем же днем я получил первое за все время пребывания в усадьбе письмо от матушки. Оно встревожило меня и я решил, что попрошусь съездить в Петербург, как только Петр Исакиевич вернется.

Как-то в середине сентября все обитатели усадьбы стали свидетелями еще одного невероятного и пугающего происшествия. Саша заболел, его лихорадило несколько ночей подряд. Опасаясь за жизнь ребенка, я стал проводить ночи рядом с ним, наблюдая как тяжело вздымается и опускается его грудь в приступах лихорадки. Он часто просыпался и звал меня, и тогда я садился рядом и рассказывал ему глупые истории своего далекого детства. В одно утро, нас с моим воспитанником разбудил крик в гостиной. Я немедленно спустился вниз и увидел, как Варвара забралась на стол и отчаянно кричит. Подбежав к ней, я схватил ее за руки:

– Что случилось?

– Змеи, змеи в гостиной, – она дернула рукой, будто я был одной из них.

Я вдруг увидел, как по деревянному полу гостиной скользят зеленые ленты. Около десятка змей приближались ко мне. В ту же минуту из кухни выбежала Маша, и умело размахивая садовыми граблями, стала бить по полу.

– Что я вам всем говорила! Демон в доме. Эти твари к нему ползут! Прочь, нечистая, прочь!

Я был напуган не меньше Варвары, с которой мы оказались абсолютно беспомощными. В эту минуту я был благодарен подросшей вовремя Маши, о чем сказал ей позже, когда встретил на кухне.

– Эх, вы, господин хороший, – только и ответила Маша. Я стал замечать в ее взгляде большое неодобрение. Обитатели усадьбы вообще относились ко мне весьма осторожно,

что я объяснял себе, как недоверие каждому новому человеку. В тот же день у нас побывал кучер Ванька и привез записку от Алексея Петровича Гижицкого, в которой он немедленно просил меня прибыть к нему. Болезнь Саши его обеспокоила, и он хотел передать через меня лекарство. Я отправился в путь вместе с Ванькой и уже через четверть часа был у Алексея Петровича. На пороге меня встретил Герцог, недружелюбно скаля на меня свои огромные зубы. Алексей Петрович, увидев меня из гостиной, стал размахивать руками:

– Идите смело, он вас не тронет!

Пройдя в дом, я застал хозяина за работой. Он писал очередную картину на библейскую тему. Я увидел на холсте улицы древнего города, по-видимому, Иерусалима, запруженные толпой людей, сопровождавших процессию Христа. Алексей Петрович пригласил меня сесть, и я устроился между раскинутых на диване красок.

– Мой дорогой Николай Сергеевич, как же я рад вас видеть. Кухарка рассказала мне о Сашеньке. Лихорадка – очень опасная болезнь! Я приготовил настой местных трав, будете давать ему по чайной ложке перед едой, – с этими словами он протянул мне пузырек из темного стекла.

– Могу я спросить, почему вы сами не приехали к Саше?

– Думаю, вы понимаете. В прошлый раз я не все рассказал вам. С некоторых пор я не самый желанный гость в доме Павловских. Когда Петр Исакиевич стал играть и проигрывать все до копейки, я одалживал ему некоторые суммы. После того, как он проиграл свое состояние и был вынужден продать фабрику, то купил ее на аукционе именно я. Мною вовсе не двигала жажда наживы, как может показаться, я просто желал сохранить дело семьи Павловских. Но мой порыв был оценен по-иному. Мария Романовна сочла, что я разорил их, тогда она наговорила мне всяких глупостей, будто я усадил за карточный стол ее мужа. Петр, как вы знаете, после снова стал богат. Мы с ним продолжали общаться. Но вот в дом к ним я не вхож, Мария Романовна по сей день считает меня мошенником.

Я рассказал Гижицкому о случившемся утром, о змеях, которые так напугали Варвару. Гижицкий слушал меня, не прерывая ни на минуту, после чего сказал:

– Уезжайте отсюда как можно скорее. Вы не должны быть здесь.

– Но я не могу. И потом, почему я должен, по-вашему, уезжать?

– Просто послушайте меня. Не беспокойтесь о Сашеньке, о нем есть кому позаботиться. Все, что происходит в усадьбе, может навлечь на вас беду.

– Лягушки и змеи просто чья-то злая шутка. Или вы тоже уверовали в демона?

– Я нет, но вот некоторые крестьяне, живущие рядом с усадьбой... Вчера я слышал разговор моих работников, они наперебой говорят о демоне, поселившемся в усадьбе. А теперь подумайте, когда все это началось. После смерти Глаши.

– К чему вы ведете?

– Ваша кухарка Машка вот уже неделю рассказывает о вас в деревне всякие небылицы. Она мыслит, что демон – вы. Ведь именно с вашего приезда сюда начались убийства.

– Какая глупость! – я был вне себя от злобы.

– Народ здесь необразованный, Николай Сергеевич. Не навлекайте на себя беды, уезжайте.

Обратный путь до усадьбы я думал о Петербурге. Смогу ли вернуться туда, как велит мне Гижицкий? Смогу ли снова ходить по улицам, где мы бродили с Аннушкой? Смогу ли стерпеть боль и отчаяние, немедленно появлявшееся всякий раз, когда я вспоминал о ней. Я твердо решил, что останусь в усадьбе как можно дольше.

Лекарство Алексея Петровича принесло желаемый результат. Саша спустя неделю стал бегать по комнате, вскоре же мы возобновили прогулки. Начался октябрь. Павловские в усадьбу не возвращались. Меня удивляло равнодушие в поведении родителей Саши, кото-

рые, узнав из письма Варвары о болезни сына, не соизволили вернуться к нему и быть рядом. Мария Романовна написала лишь, что горячие ванны должны помочь.

Наши отношения с Варварой стали для меня тяжелым испытанием. Мы проводили вместе вечера, играли и пели известные романсы, читали книги. Я не заметил, как она увлеклась мною. Для меня Варвара была еще одним ребенком Павловских, о котором следовало позаботиться. Но для молодой девушки, не знавшей любви так, как знал ее я, все происходящее казалось чудом. Однажды вечером, когда мы сидела у окна, и наблюдали за закатом, она вдруг воскликнула:

– Поцелуйте меня!

Я опешил от услышанного. Варвара же подошла ко мне в ожидании поцелуя.

– Варвара Петровна, что вы делаете? – но ее руки уже схватили мои, и она поцеловала меня.

– Ты сошла с ума! – я внезапно осознал весь кошмар происходящего и ударил ее по щеке.

– За что? Я же люблю тебя!

– Никогда больше, слышишь? Никогда! – я отвернулся, чтобы не видеть ее слез.

– Это из-за нее, да? Но она же умерла! Твоя Анна умерла! А я живая!

– Варвара, послушай меня. Это большая ошибка, слышишь?

– Ты меня не любишь? Но это не важно, Коленька. Моей любви хватит на двоих. Давай уедем вместе? Начнем жизнь с начала. О деньгах не беспокойся, они у меня есть.

– Замолчи! Пойми же – между нами ничего не может быть. Ты прекрасная, умная, ты еще встретишь того, кто все это оценит.

– Я уже встретила...

– Варвара, это разговор бессмысленный, – я даже подумать не мог, что произойдет подобное. Я был не готов к объяснениям с влюбленной девочкой.

– Если ты отвергнешь меня, то пожалеешь!

– Ты угрожаешь мне?

В этот момент все в ней переменялось. От прежней нежности не осталось и следа. Я увидел, как слезы перестали стекать по ее багровым от волнения щекам, дыхание стало ровным и губы сжаты от злобы. Я не стал более говорить не слова и вышел прочь.

Осень вступила в свои права, и начались проливные дожди. Вода стекала по металлическим шпилям усадьбы, барабанила в окна, размывала дороги. Все мы теперь целыми днями сидели в доме, не смея показываться друг другу на глаза. Занятия с Сашей стали для меня отдушиной, в часы работы я забывал обо всем, что тревожило меня. И лишь по ночам переживания с новой силой обрушивались на меня и я часами ходил по комнате, не находя выхода из сложившегося положения. Покинуть Павловских я не мог, ровно, как и сказать всю правду о себе. Я стал получать письма от моего товарища Розина, чему был несказанно рад. В них он писал о последних событиях в мире, о столичных новостях, о том, что гложило его молодое сердце. Спрашивал он моего совета и о будущей женитьбе. Читая его легкий стиль, я вспоминал наши веселые дни в университете. По-прежнему с непреодолимой тоской я думал об Аннушке. Мне часто вспоминалось, как мы познакомились. По просьбе матушки я отправился в церковь по какому-то совершенно неважному поручению. Я был недоволен, что приходилось тратить воскресное утро на долгую дорогу. Стояла петербургская зима, промозглый ветер Финского залива хлестал по щекам, залетал за шиворот моего осеннего пальто. Я промочил ноги, и к неудовольствию для себя обнаружил ненависть к зимним экипажам, за которые приходилось бороться с толпой замерзающих людей. Я помню, что Аннушка стояла у церкви вместе с несколькими беспризорниками. Я сразу ее заметил. Она раздавала детям сладости. Заметив меня, она подошла и обратилась как к старому знакомому:

– Вы совсем замерзли. Вам следует сменить пальто, – ее руки, к моему удивлению, стали отряхивать налетевший снег с моей головы.

– Вы ангел?

Я услышал ее звонкий смех. Только Аннушка могла так искренне смеяться.

– Вовсе нет. Я Анна. Я прихожу сюда каждое воскресенье. И всегда приношу сладости этим несчастным детям. Они сироты, совсем одни. А человеку нельзя быть одному.

– Я тоже совсем один.

– Вы лукавите. Наверняка у вас есть те, кто может о вас позаботиться. Или нет? – она посмотрела в мои глаза так пронзительно, что мне стало жарко. Я вдруг увидел бездну нежности.

– Простите, я конечно, солгал. Меня зовут Николай. Помогите мне найти отца Иллариона.

– Пойдемте, – она показала на двери церкви. И мы пошли. Вместе.

6

Наступило время туманов. Близилась зима. В начале ноября туманы так низко спускались к усадьбе, что было не видно дороги. Саша боялся гулять, говорил, что в тумане можно не увидеть духов, и они непременно тебя схватят. Я же гулял вечерами один. Иногда мне встречались крестьяне, лениво снующие между усадьбой и деревней по хозяйской прихоти. Бывало, что я слышал вдалеке голос господина Гижицкого, выгуливающего своего пса. Он звал его сквозь туман, несколько раз я слышал рычание недовольного животного, пробегающего рядом со мной. В один из таких вечеров мне встретилась та самая старуха, что однажды летом схватила Сашу, и как теперь я знал, была матерью Глаши. За несколько месяцев, что я не видел ее, она сильно изменилась. Ее лицо стало мертвецки белым, глаза впали, руки ее тряслись, одета она была в рваные лохмотья.

– Ищешь? – сказала она мне, когда мы поравнялись.

Мне не хотелось говорить с сумасшедшей, и я сделал вид, что не заметил ее.

– Ищешь его? Хозяин твой здесь, рядом. Есть хочешь? Сколько съешь? Все забирай, все... – с этими словами она выхватила из кармана нож и набросилась на меня. От неожиданности я опешил. Старуха повалила меня на землю и ее крепкие руки прижимали меня все сильнее. Я увидел, что лезвие ножа блеснуло у меня перед носом, и ощутил такой страх, что стало трудно дышать. Старуха стала жутко смеяться, открывая рот, отчего я чувствовал ее смрадный запах. Я попытался высвободиться, но она всем телом навалилась на меня и прижимала к земле. Наконец, мне удалось освободить правую руку. Я воспользовался моментом и ударил старуху в висок. Тело старухи обмякло, и нож вылетел из ее рук. Я скинул ее с себя и, встав на ноги, стал отряхиваться с такой силой, будто пытался стереть с себя ее запах. Когда сердце перестало с усилием бить в мою грудь, я решил бежать прочь от этого места. Старуха лежала на земле и тяжело кряхтела. Я оставил ее и ни разу не обернулся, пока бежал до усадьбы.

В ту ночь мне не спалось. Как только я закрывал глаза, передо мной появлялись по очереди старуха с ножом, Глаша, заглатывающая яд из огромного серебряного кубка, Дуня, с воткнутом в нее металлическим штырем. Я решил не мучить себя и найти в усадьбе снотворное. Я знал, что Мария Романовна, женщина весьма впечатлительная, часто его принимала. Я спустился на кухню и быстро отыскал необходимый мне порошок. Приняв его не без отвращения и запив огромным количеством воды, я решил дождаться его действия, сидя в библиотеке. Когда же строчки стали наползать одна на другую, я пошел к себе. По дороге я решил заглянуть к Варваре. Сам не знаю зачем. Я так долго не видел ее с тех пор, как состоялся наш последний разговор. Мы жили в одном доме, но всякий раз, когда я появлялся в поле ее зрения, она демонстративно уходила. Мне не хотелось объясняться с ней, я просто хотел увидеть ее, убедиться, что с ней все в порядке. Все же она была мне не безразлична. Дверь в ее комнату была приоткрыта. Я решил набраться смелости и заглянуть туда. Когда же глаза мои привыкли к темноте интерьера, я увидел страшную картину. Варвара лежала на кровати, ее поглотил глубокий сон. Рядом сидел Саша, держа руку Варвары в своей руке. Через минуту я увидел, как Саша наклоняется к Варваре, хватает ее за горло и кусает в предплечье. На белой простыне появляются алые пятна крови. Варвара по-прежнему не движется. Саша отрывается от нее, и я вижу его острые зубы. От увиденного я пытаюсь бежать, но в темноте спотыкаюсь на лестнице и через секунду падаю с огромной силой вниз.

Проснулся я в библиотеке. В окно било яркое солнце, в руке я держал все ту же книгу, которую начал читать вчера. Я решил, что все увиденное просто страшный сон. И все же мне было не по себе, и я захотел поговорить с Варварой. Но сделать это в то утро мне не удалось.

В усадьбу приехал следователь Вениамин Иванович. Собрав всех в гостиной, он объявил цель визита:

– В деревне убийство. Убита мать Глаши. Ее нашли на рассвете в лесу, она заколота ножом. Я только что с осмотра места происшествия.

Внезапно я почувствовал жуткий приступ тошноты. Видимо, сказалось принятое снотворное. Я промычал «Простите» и выбежал из гостиной, закрыв рот рукой. Спустя четверть часа я смог спокойно дышать, и когда я вошел в гостиную, то увидел, что следователь сидел совсем один, держа в руках сигару. Он, конечно, ждал меня.

– Вам нездоровится?

– Да. Мне не спалось, и я принял снотворное. Но видимо я ошибся с дозировкой.

– Вы весьма интересный молодой человек, Николай Сергеевич.

– Что же во мне интересного?

– В прошлый раз мы с вами не сумели поговорить как следует. Мне бы хотелось узнать вас лучше.

– Уверяю вас, во мне ровным счетом нет ничего забавного. Скорее, наоборот, – от волнения я почувствовал новый прилив тошноты.

– Хорошо. Давайте без предисловий. Вы были знакомы с убитой?

– Я видел ее только однажды. Несколько месяцев назад, когда я только прибыл в усадьбу, мы с Сашей ходили к реке. Мать Глаши мы встретили по дороге.

– Она вам что-то говорила? Может о смерти дочери?

– Мне думается, она уже тогда была не в себе. Она набросилась на Сашу, стала кричать на него.

– Что она кричала?

– Она обвиняла Павловских в смерти своей дочери. Но мы убежали от нее. Больше я ее не встречал.

– Я должен спросить вас. Где вы были вчера? Опишите мне весь свой день.

– Утром мы занимались с Сашей риторикой, потом астрономией. Но вам видимо это не интересно, – я увидел, как Вениамин Иванович улыбается моему рассказу. – Потом мы обедали. Затем Саша отдыхал, а я был в библиотеке. Вечером я читал Саше книгу. С темнотой Саша ушел к себе, а я был в библиотеке. Там я провел всю ночь.

– Кто это может подтвердить?

– Пожалуй, что никто. Я был в библиотеке один.

– Со сколько вы там были?

– С семи вечера.

– Варвара Петровна, – господин следователь громко позвал, и в гостиной появилась Варя. Видимо, она ожидала своего выхода на сцену за дверьми, и я увидел, как она величественно заняла место подле Вениамина Ивановича. – Голубушка моя, скажите, в котором часу вы были в библиотеке?

– Я была там с шести до девяти, пока не ушла спать, – говоря эти слова, она поминутно смотрела на меня с вызовом.

– Так как, Николай Сергеевич?

– Может я был там позже. Просто перепутал время.

– Вы были на прогулке. Я вас видела в окно библиотеки, – Варвара зло посмотрела на меня, и я почувствовал, что загнан в угол.

– Хорошо, ладно. Я солгал. Я был на прогулке. Но с вашей убитой я не встречался.

– Покажите мне ваши руки и грудь. В особенности шею и грудь. Варвара, идите. Спасибо, моя дорогая девочка.

Варвара Петровна с силой хлопнула дверью, от чего я вздрогнул.

– Итак, я жду, – господин следователь отвлек меня от мыслей о Варваре.

– Я не понимаю...

– Снимите свою рубашку. Что тут непонятного?

– Зачем?

– Объясню. Наш врач при осмотре тела убитой заявил, что она дралась с убийцей и на нем, как мы предполагаем, должны остаться следы борьбы. Снимите рубашку.

– Вы меня подозреваете? Но зачем мне это делать?

– Снимите рубашку, Николай Сергеевич. Делайте что говорят.

– Я отказываюсь.

– Тогда мы поедem в участок. Там вас насильно разденут.

– Черт с вами! – с этими словами я рывком скинул с себя рубашку.

– Что и требовалось доказать!

Только теперь я заметил, что на руках и ребрах у меня красуются огромные синяки и кровоподтеки. Как они возникли? И почему я не чувствую боли? Видимо снотворное Марии Романовны притупило боль. И вдруг я осознал, что удары получены мною после неудачного падения с лестницы вчера ночью. Значит, это был не сон? И кто перетащил меня в библиотеку?

– Вчера ночью я упал с лестницы!

– Нелепое оправдание. Мы едем в участок. Вы арестованы.

– Но мне незачем было убивать ее! Я никого не убивал!

– Прошу следовать за мной.

– Нет, это ошибка! Какой у меня может быть мотив?

– Ах, вам нужен мотив? Как угодно. Как вам такой. Вы были любовником Глаши, когда она жила в столичном доме Павловских. Через какое-то время вы решаете порвать с ней, так как собираетесь жениться. Она угрожает, что расскажет обо всем вашей невесте. Вы прогоняете ее, но вскоре ваша невеста совершает самоубийство. Вы понимаете, что ваша любовница довела дело до конца – раскрыла правду Анне, так, кажется, звали вашу возлюбленную? Вы решаете отомстить Глаше, едете в усадьбу, заставляете ее принять яд. Но мать Глаши узнает вас. И вы убиваете свидетеля.

– Какая чушь!

– Варвара Петровна рассказала мне о вашей связи с Глашей. Она видела вас в Петербурге вместе несколько раз.

– Варвара просто влюблена в меня. И мстит мне за отказ.

– Вот как? Тем хуже для вас. Она будет свидетельствовать против вас.

– Все было не так! Слышите?

– Тогда скажите мне правду. Может быть, вас это спасет.

– Ладно. Я познакомился с Глашей два года назад в Петербурге. Она была моей любовницей. Да, да! У нас была долгая связь. Но потом мы расстались. Позже я познакомился с Анной. Мы полюбили друг друга. Глаша уехала с Павловскими в усадьбу. Мы больше не встречались. За неделю до свадьбы Глаша пришла ко мне. Она стала просить деньги. Говорила, что хочет уехать от Павловских, что ей страшно в этом доме. Но я ей денег не дал. Она пригрозила, что расскажет о нашей связи Анне. Я прогнал ее. А когда Анну нашли мертвой, то полиция выяснила, что вечером накануне смерти к моей невесте приходила молодая девица, по описанию очень похожая на Глашу. Я решил разыскать Глашу и узнать правду о смерти Анны.

– То есть, вы специально устроились к Павловским учителем, чтобы отомстить Глаше?

– Нет, я не хотел мстить, поверьте мне! Я устроился к ним случайно. Так совпало.

– Как вы отравили Глашу?

– Я не травил ее!

– Да, вечером в день смерти несчастной Глаши вы ехали в поезде. Я это проверил. А Дуня, заколотая в резервуаре, видимо узнала вас?

– Я никого не убивал! Зачем мне это делать?

– Вы встречались вчера с матерью Глаши?

– Черт! Да! Она набросилась на меня с ножом!

– И вы, случайно ее убили, когда боролись с ней?

– Нет! Я ударил ее, она была жива. Я убежал.

Наступила тишина. Господин следователь смотрел куда-то в сторону, а я не мог поверить во все происходящее. Я вспомнил, как в день моего отъезда в усадьбу моя матушка стояла на коленях в прихожей, не давая мне пройти. Слезы стекали по ее лицу, она хватала меня за руки и кричала: «Христом Богом прошу! Откажись от мести, сынок! Прости же, будь великодушен!». Я же не смотрел на нее, лишь вырывал руки и кричал в ответ: «Уйди с дороги. Оставь меня!».

– Что теперь со мной будет?

– Ничего. Вы свободны. Но Петр Исакиевич непременно узнает обо всем. Пока вы останетесь в усадьбе на некоторое время.

– Вы не арестуете меня? Вы мне верите?

– Я же сказал: вы свободны. Кроме того, настоящий убийца схвачен. Мать Глаши убил конюх Ванька. Она набросилась на него, в драке он ее и зарезал. У него нашли окровавленную одежду и сапоги.

– Так вы знали все с самого начала? Тогда зачем все это? Этот спектакль?

– Я должен был узнать правду о вас.

– Это низко.

– Низко? А не низко злоупотреблять доверием уважаемых людей, маленького ребенка, соблазнять юную девушку, только чтобы отомстить бывшей любовнице? И не забывайте, убийца Глаши и Дуни еще не найден!

После сказанного Вениамин Иванович с видом победителя вышел из гостиной. Я остался сидеть, как замороженный уставившись в пустоту. Я вспомнил один из вечеров, проведенных с Глашей. Обнаженные, мы пили шампанское в дорогом номере столичной гостиницы.

– Ты меня любишь?

– Конечно, моя сладкая. Тебя нельзя не любить, ты как дикий цветок.

– Цветок, говоришь?

– Да, тебя хочется сорвать и держать рядом с собой всегда.

– Знаешь, Николая, запомни кое-что.

– Что?

– Если ты меня бросишь, я тебя убью! – она громко засмеялась и бросила о пол фужер с шампанским. Брызги хрустала разлетелись по комнате.

Я не выходил из комнаты до вечера. Лежа на постели, я смотрел в окно и не мог не думать о позоре, пережитом утром. Конечно, всем теперь в усадьбе будет известно, зачем я прибыл сюда. Меня не страшило будущее объяснение с Петром Исакиевичем, укоры и взгляды прислуги. В эту минуту мне было стыдно перед Сашей. Я не оправдал его надежд. Мне не хотелось делать ему больно. Когда солнце зашло за горизонт, я нашел в себе силы пойти в детскую и объясниться. Сашу я там не застал. Вещи его были разбросаны по комнате. В ожидании тяжелого разговора я решил убрать все на свои места. Игрушки отправились в шкаф. Одежду я собрал для чистки отдельно. Внезапно я заметил, что ботинки, в которых обычно гуляет Саша, в жутком состоянии. Запаханные грязью, они стояли в самом дальнем углу комнаты. Странно, разве Саша гулял без меня? Я решил отнести их прислуге, но взяв в руки, увидел, что на них была вовсе не грязь. Это была свежая кровь.

– Зачем ты пришел?

От неожиданности я вздрогнул и выронил ботинки из рук. Саша стоял у меня за спиной.

– Что это? На ботинках?

– Кровь, разве ты не видишь, Николя?

– Откуда?

– Это моя тайна. Ты ведь не говоришь мне правду. Вот и у меня теперь тоже секреты.

– Ты выходил из дома сегодня ночью?

– Не скажу!

– Саша, что ты знаешь об убийстве? Ты видел как убили мать Глаши?

– Ванька ее зарезал, дурак! Два удара и она упала! А он кричит, давай бежать от нее.

Я подошел, а она не дышит. Я так испугался, Николя.

Я захватил Сашу в объятия. Мне стало жаль его. Быть невольным свидетелем убийства в таком юном возрасте.

– Бедный мой Сашенька! Я тебя не оставлю больше одного. Прости меня, малыш, прости.

Саша улыбнулся в ответ и из его васильковых глаз потекли слезы.

7

На следующее утро в усадьбу прибыл Петр Исакиевич. Мой разговор с ним состоялся незамедлительно.

– Долгих объяснений не будет, можете не волноваться, – первое, что я услышал, войдя в кабинет господина Павловского. – Меня часто предавали люди, которым я верил. Я не буду читать вам проповедей, давать наставления. И мстить вам я тоже не стану. Можете возвращаться в свой университет, уверен, что вас там ждут. Только прошу об одном – не разглашайте всего, что произошло здесь, – с этими словами он посмотрел на меня, и я впервые увидел в глазах Петра Исакиевича скрываемую ото всех боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.